

оригинальная статья

Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в.

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет, Россия, Воронеж

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>maksymkirchanoff@gmail.com

Поступила в редакцию 21.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: Предпринят анализ роли исторической политики в развитии национальной памяти и идентичности в Республике Саха (Якутия). Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти, принадлежащих к парадигме интеллектуальной истории и истории идей. Новизна исследования состоит в анализе общих и уникальных особенностей и направлений исторической политики как политики памяти в Якутии. Предполагается, что изучение неевропейских культур памяти в современной историографии представлено в меньшей степени в сравнении с историей мемориальных культур в Европе и Америке. Проанализированы государственные стратегии актуализации исторической памяти, участие современных общественных акторов, представленных СМИ, в развитии коллективной памяти и представлений о прошлом, роль государственных мероприятий, например столетия Республики Саха в современной мемориальной политике. Показан вклад исторической политики в развитие национальной идентичности через призму функционирования культуры памяти и мемориального канона. Результаты исследования позволяют предположить, что основным актором исторической политики и форматором мемориальной культуры являются элиты, которые легитимируют свой статус при помощи различных инструментов памяти, включая дискурсивно-нарративные практики и формы ее визуализации.

Ключевые слова: историческая память, идентичность, Республика Саха (Якутия), политика памяти, мемориальный канон

Цитирование: Кирчанов М. В. Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 593–601. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-593-601>

full article

Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century

Maksim V. Kirchanov

Voronezh State University, Russia, Voronezh

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>maksymkirchanoff@gmail.com

Received 21 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: This article features the contemporary polities of memory in the Republic of Sakha (Yakutia), as well as the role of historical politics in the development of national memory and identity. Methodologically, the research relied on the principles of the memorial turn and memory policy within the paradigm of intellectual history and the history of ideas. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features of historical politics as a politics of memory in Yakutia because non-European cultures still remain underrepresented in historiography. The author also analyzed the role of state strategies and media actors in the development of collective historical memory, as well as the role of state events in the local memorial policy, e.g., the 100th anniversary of the Republic of Sakha. The author believes that historical politics contributes to the development of national identity via the culture of memory and the memorial canon. The results of the study suggest that elites became the main actor of historical policy because they shape the local memorial culture in an attempt to legitimize their own status with the help of various memory tools, including narrative practices and their visualization.

Keywords: historical memory, identity, Republic of Sakha (Yakutia), politics of memory, memorial canon

Citation: Kirchanov M. V. Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 593–601. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-593-601>

Введение

Историческая политика в первые десятилетия XXI в. вошла в число инструментов, которые регулярно используются политическими элитами как для легитимации собственного пребывания у власти, так и для контроля над прошлым, ставшим важным символическим мобилизационным ресурсом в современной политике. Историческая политика или политика памяти в ее современных классических формах возникла в Европе. Особенности и формы политики памяти в европейских государствах разнообразны. Политике памяти в ее современных формах, представленных идеологически мотивированными манипуляциями, предшествовало франко-германское примирение. Первыми, кто начал регулярно и на институционализированном уровне использовать коллективную память в политических целях, стали элиты Польши, Словакии и Чехии, где прошлое не только стало инструментом идеологической борьбы, но и было поставлено на службу актуальным, по мнению элит конца 1990-х – начала 2000-х гг., задачам декоммунизации. Постепенно, на протяжении первых двух десятилетий XXI в. политика памяти перестала быть только восточно-европейским явлением, а к символическим ресурсам прошлого для политической легитимации и мобилизации стали обращаться элиты и в других государствах, среди которых оказалась и Россия.

Историография. Актуальная международная историография памяти характеризуется рядом особенностей. Во-первых, анализ исторической памяти в теоретической перспективе пребывает среди приоритетных направлений современных мемориальных штудий. Во-вторых, редукционистское восприятие проблем памяти, сокращенных до национальных версий исторической политики, преобладает в значительной части исследований по вопросам памяти. В-третьих, склонность к редукции в восприятии памяти ведет к тому, что немаловажным в современной историографии является стремление «привязать» изучение исторической политики к анализу более конкретных явлений, например, национализма, истории идей или интеллектуальных сообществ. В-четвертых, если большинство исследований памяти ограничено изучением отдельных национальных версий исторической политики, то в такой историографической ситуации актуализируется географическая неравномерность тематики исследований [1]. Если формы и стратегии политики памяти в Европе и Америке изучаются относительно активно и регулярно, то мемориальные проблемы неевропейских обществ и региональные версии исторической политики в России изучены в меньшей степени [2].

В отечественной историографии значительное внимание уделяется как общим проблемам коллективной памяти [3], так и национальным формам исторической политики [4]. При этом для российской научной литературы, посвященной данной проблематике, присуща замкнутость

на российском опыте политики памяти на национальном государственном уровне [5] или на актуальных вопросах манипуляций с прошлым в зарубежных странах [6]. В этом контексте в научной литературе, посвященной политике памяти, существуют значительные диспропорции. Если общие проблемы функционирования коллективных памяти и национальные версии исторической политики изучаются активно, то в отношении региональных проявлений «проработки прошлого» в национальных республиках России [7] существует дефицит исследований [8], что придает дополнительную важность изучению данной проблематики, актуализируя новизну представленной работы.

Цель и задачи. Республика Саха (Якутия) не является исключением из логики применения исторической политики, которая в РФ складывалась на протяжении 2000–2010-х гг. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье – проблемы политики памяти в современной Якутии. Цель статьи – анализ исторической политики как политики памяти в современной Якутии. Задачи: 1) изучение государственных форм политики памяти в контекстах государственных программ, 2) анализ форм исторической политики и ее роли в функционировании мемориального канона, 3) выявление особенностей и перспектив исторической политики в современной Республике Саха.

Хронологические рамки статьи ограничены началом XXI в., территориальные – Республикой Саха (Якутия). Источниковая база представлена публикациями и материалами средств массовой информации как основных участников политики памяти.

Методология. Представленная статья в методологическом плане опирается на достижения современной междисциплинарной историографии, полученные в рамках мемориального поворота, который привел к новой расстановке исследовательских акцентов с изучения нарративных и дискурсивных форм националистического политического воображения в направлении актуализации ресурсов памяти различных сообществ в конструировании идентичностей, основанных не только на приверженности к тем или иным идеологическим ценностям, но и на различных мемориальных практиках и стратегиях политических культур [9]. В результате внедрения достижений мемориального поворота в современные гуманитарные исследования сложился ряд направлений изучения памяти, включая не только изучение механизмов функционирования мемориальных культур и канонов, но и анализ различных национальных и региональных версий проведения исторической политики, что предусматривает рассмотрение коммеморативных практик, особенностей ревизии, конструкции и деконструкции нарративов, составляющих основы той или иной коллективной памяти [10].

Государственная программа «Память Якутии» как форма исторической политики

Первая компания по проработке исторической памяти в Якутии имела место в 2002–2006 гг., когда Министерство культуры Республики Саха инициировало программу «Память Якутии», в реализации которой принимали участие Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), Национальный архив Республики Саха (Якутия), Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского и Государственное национальное хранилище кинодокументов о Республике Саха.

В первой половине 2000-х гг. проекты памяти ставили частично академические и прикладные задачи, связанные как с сохранением исторического и культурного наследия республики, так и систематизацией памятников на территории региона. При этом формальный состав участников [11] памяти отличался гетерогенным характером, что проявлялось в наличии как государственных [12], так и академических участников [13]. Если первые представляли политически и идеологически мотивированные версии применения прошлого [14], то вторые – его относительно «чистые» академические версии [15]. Подобная ситуация не была исключительно якутской, имея место практически во всех обществах [16], которые только делали первые шаги в выработке собственных версий исторической политики [17].

Поэтому сохранение памяти интерпретировалось в политической системе координат, а необходимость такой политики связывалась с достижением «государственного суверенитета Республики Саха (Якутия), где с особой остротой проявляется стремление к историческому и культурному самосознанию народов, ее населяющих. Эта социальная потребность может быть в значительной степени удовлетворена за счет расширения информации об уникальных памятниках истории и культуры Якутии, а также доступа к ним»¹. Доминирование именно такого дискурса в легитимации государственных интервенций в сферу прошлого актуализировало одновременно государственно направляемый характер подобной исторической политики, недостаточное понимание того, что историю можно использовать как ресурс политической легитимации и мобилизации, а также стремление имитировать академический дискурс.

В рамках подобной версии исторической политики ее основные усилия были сосредоточены на актуализации в коллективной памяти книжного наследия Якутии,

что предусматривало применение визуальных подходов к проработке прошлого. В рамках последнего направления были оцифрованы некоторые фото- и кинодокументы, которые актуализировали различные формы исторического и политического опыта Якутии в XX в. Волна проработки прошлого в 2002–2006 гг. не решала задачи, которые ставились перед участниками исторической политики, т. к. среди ее целей было заявлено «сохранение документального наследия Якутии для настоящих и будущих поколений как части всемирного культурного наследия»², что в большей степени соотносилось с академической историографией, а не политически и идеологически мотивированными интервенциями элит в прошлое с целью сформировать определенные версии прошлого.

Первые попытки управляемого использования исторической памяти не отличались особой оригинальностью и фактически выполняли общие функции манипуляций фактами прошлого в политических целях, будучи направлены на формирование «некого усредненного образа объекта памяти, являющегося результатом консенсуса» между потребителями такой версии исторической памяти, принимая во внимание их «различный уровень знаний и характер представлений о прошлом» [18, с. 47].

Первые подходы к применению исторической политики носили некий общий, усредненный и преимущественно культурный характер³, т. к. политические проблемы якутской памяти как национальной развивались в условиях доминирования государство-центричной версии исторического воображения, что привело к постепенной миграции национальной памяти в сферу культуры. Обращение элит к прошлому было неизбежно, т. к. рефлексии о нем были фактически направлены на «поиск объединяющих мифов, особенно после того, как ожидания на будущее не оправдались»⁴ [19]. Поэтому в первой половине 2000-х гг. попытки государственно направляемых интервенций в сферу памяти актуализировали преимущественно потенциал этничности и традиционной культуры⁵, что воспринималось элитами относительно нейтрально, т. к. в то время историческая политика в других регионах затрагивала преимущественно политические неудобные аспекты коллективной памяти.

Миграция ранней исторической политики в сферу культурной истории не исключала актуализации политического измерения памяти, что, например, проявилось в попытках большей визуализации истории якутского национального движения. В исторической политике были актуализированы моменты, связанные с предисторией якутской книги⁶,

¹ Республиканская целевая программа «Память Якутии». 2002–2006 гг. URL: <https://xn--80aqagjqxibi2g5ac.xn--p1ai/programme.aspx> (дата обращения: 20.04.2022).

² Там же.

³ Голоса века. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=7> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁵ Якутский фольклор. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=7> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ Предпосылки возникновения якутской книги. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

ее ранними особенностями⁷, репертуаром⁸ и тематикой⁹. Ранние попытки инструментализации исторической памяти в Якутии соотносились с общегосударственными тенденциями политики памяти, что, например, проявилось в визуализации в коллективной памяти якутов нарративного наследия, связанного с Великой Отечественной войной¹⁰. Другая цель проекта, «обеспечение свободного доступа к документальному наследию Якутии»¹¹, вообще противоречит центральным принципам исторической политики, т. к. в ее рамках государство стремится придать монопольный статус определенным интерпретациям истории, маргинализируя другие, ограничивая доступ к архивам.

Первые попытки политического вмешательства в сферу памяти в 2002–2006 гг. основывались на уже архаичном для того времени методологическом инструментарии. Поэтому акторы исторической политики первой половины 2000-х гг. предпочитали оперировать понятиями *документ, памятник истории и культуры, книжный памятник*, которые спустя несколько лет будут заменены содержательно иными категориями, локализованными в дискурсивно-нарративных и визуальных практиках. Несмотря на такой архаичный характер ранних версий исторической политики памяти в Якутии, участники, вовлеченные в ее реализацию, с одной стороны, указывали на важность актуализации визуального измерения в коллективной памяти. С другой – в 2002–2006 гг. был использован и потенциал устной истории для функционирования национальной исторической памяти, т. к. в рамках реализации Программы были предприняты усилия, направленные на систематизацию и популяризацию наследия якутской нации в рамках изучения записей музыкальных произведений и выступлений лидеров республики 1920–1930-х гг.¹²

Таким образом, первая волна исторической политики в Республике Саха имела место в 2002–2006 гг., когда участники политики памяти были вовлечены в поиск оптимальной модели для актуализации коллективной памяти якутов в контекстах как государственной, так и этнической истории региона. На данном этапе политика памяти только делала свои первые шаги, ее основным участником было государство, а набор методов отличался переходным

характером, т. к. использовались директивные модели управления памяти в рамках реализации государственной программы, что предусматривало ограниченные возможности для ее визуализации. Программа «Память Якутии» актуализировала ситуативный характер исторической политики, показав зависимость «проработки прошлого» от внешней политической конъюнктуры, заинтересованности властей от актуализации тех или иных сюжетов. Тем не менее эта первая попытка государственно инициированной интервенции в прошлое актуализировала его роль в процессах консолидации общества и легитимации элит, что позднее будет в исторической политике использоваться более последовательно и активно.

Юбилейные мероприятия как форма политики памяти

2022 г. в современной истории Республики Саха (Якутия) может стать очень важным в контексте развития политики памяти, т. к. Республика отмечает столетие образования. Юбилейные мероприятия, как правило, играют важную роль в развитии мнемонического пространства общества [20], стимулируя государство продвигать консолидированные версии коллективной исторической памяти [21] и усиливать мемориальный канон [22] как основу политической идентичности [23]. К 2022 г. в рамках якутской исторической памяти сложился мемориальный канон, в состав которого в одинаковой степени оказались интегрированы национальные нарративы и определенные элементы советской культуры памяти, основанной на позитивной идеализации революционного движения¹³. В этой ситуации в мемориальный канон оказались интегрированы и герои революции¹⁴, и попытки монументализации памяти о них, которые имели место в советский период¹⁵.

Если на нарративно-дискурсивном уровне мемориальный канон содержал образы, унаследованные от советской исторической памяти, то ее монументальные отражения к 2022 г. в Якутии сохранились не в полном объеме, т. к. часть памятников была утрачена¹⁶. В других тюркских регионах, которые отмечали аналогичные юбилеи в 2019 и 2020 г., государственные органы оказались активными участниками

⁷ Книгоиздание в Якутске (1861–1916 гг.). URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

⁸ Репертуар якутской книги. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

⁹ Якутские буквари. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁰ Письма фронтовиков якутян. URL: <http://www.sakhamemory.ru/ShowArticle75.aspx?ArticleID=78> (дата обращения: 20.04.2022).

¹¹ Республиканская целевая программа «Память Якутии». 2002–2006 гг. ...

¹² Книжные памятники Якутии. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

¹³ Дьяконов А., Дьяконов А. «К 100-летию Республики. Становление Якутской АССР. Забытые имена». Утверждение власти Советов и гражданская война в Якутии. *Якутия.инфо*. 27.12.2018. URL: <https://yakutia.info/article/186794> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁴ Дьяконов А. Подвиг Харачааса – первого орденоносца Якутии. *Якутия.инфо*. 11.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186811> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁵ Дьяконов А. Самый спорный эпизод в истории гражданской войны в Якутии – Никольский бой. *Якутия.инфо*. 16.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186907> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁶ Дьяконов А., Дьяконов А. Забытый мемориал: О состоянии мемориального комплекса «Сасыл-Сысыы». *Якутия.инфо*. 18.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186932> (дата обращения: 20.04.2022).

исторической политики, что фактически стимулировало развитие и укрепление коллективной памяти на региональном уровне. На уровне официального нарратива столетие позиционируется как «крупное национальное, духовное и политическое событие»¹⁷, которое «радикально изменило жизнь якутского народа»¹⁸, что и определяет основные направления и особенности государственного участия в развитии исторической памяти на региональном уровне. Именно поэтому для политических элит характерно преимущественно инструменталистское понимание памяти как «формирования идентичности посредством примеров из прошлого» [24, с. 9].

Подобно другим тюркским республикам столетие Якутской АССР политическими элитами позиционировалось в иллюстративно-цитатном контексте как возможность актуализации своей лояльности центру, что привело к реализации мероприятий преимущественно социальной и экономической направленности¹⁹.

Вероятно, прав немецкий историк мемориальной культуры Я. Ассманн, полагающий, что «политическая память распространяется сверху вниз и зависит от характера политической организации общества» [25, с. 10]. Именно поэтому инициативы актуализации и ревитализации исторической памяти, которые элиты могут смешивать с политической, практически всегда становятся частью государственной политики формирования мемориального канона. В этом контексте политика памяти актуализирует свою роль антипода академической историографии.

Российский историк К. А. Пахалюк полагает, что «научное представление об истории принадлежит прежде всего определенным профессионалам, которые выработали правила формирования этого исторического знания... Научное историческое знание есть всегда производное от определенных научных институций. И существовать за их пределами оно не может» [26, с. 24]. Поэтому в современном обществе история как форма знания подвержена не только зависимости от политических элит, но и ассимиляции ими, интеграции в арсенал тех методов, при помощи которых формируется идентичность, редуцируемая до лояльности. С началом 2022 г. в Республике Саха (Якутия) была инициирована компания, связанная с запуском в республике «года исторической памяти»²⁰. Память была признана инструментом политики, что актуализировало противоречия между исторической наукой и ее политическим применением.

Подобные формы исторической политики в Республике Саха (Якутия) актуализирует измерение истории, которое российский исследователь А. Олейников определяет как презентизм. По его мнению, историческая политика активно использует ресурсы презентизма, который «для профессиональных историков чаще всего означает аномалию в обращении с прошлым, которая характеризуется двумя тесно переплетенными чертами: чрезвычайной зависимостью историка от настоящего... и утратой способности видеть в прошлом "другой мир" или "чужую страну"... ряд современных мыслителей воспринимают эту ситуацию как благоприятную для возвращения истории того практического измерения, которого она лишилась, когда превратилась в строгую научную дисциплину» [27]. Обращение элит к истории как инструменту политики, редукции исторического знания до исторической политики фактически означает отказ от научности в пользу решения прикладных задач.

Юбилейные даты в истории государства содействуют в свою очередь еще большей актуализации этой функции. Поэтому в мероприятия по столетию Республики оказались вовлечены и якутские СМИ, некоторые из которых запустили конкурсы фотографий старинных вещей, что актуализировало материальные формы коллективной памяти, содействуя большей визуализации идентичности. Одной из таких акций стал конкурс «Үйэлээх мал» («Өбүгэм ситимэ, Старинные вещи – неразрывная нить предков»), организованный газетой «Саха сирэ». Генеральный директор «Сахамедиа» В. Колесов в связи с проведением конкурса указывал на актуальность сохранения исторического наследия, т. к. «если мы будем помнить нашу историю, беречь старинные вещи наших предков, знать, как они жили в том или ином историческом периоде – будем помнить наши корни и развивать эти ценности дальше»²¹, что свидетельствовало о попытках умеренной этнизации исторической политики.

Подобные стратегии исторической памяти соотносятся с современным презентизмом, в мире которого, по мнению А. Олейникова, «профессиональный историк чувствует себя крайне неудобно. Прошлое уходит из-под его контроля, переходя в обладание к тем, кто распоряжается памятью, ... к сообществам, практикующим коммеморации, или власти, ... становящейся обязательную трактовку событий. Правда, историку могут предлагать роль эксперта» [28], что актуализирует второстепенные и подчиненные роли академического сообщества в механизме

¹⁷ О 100-летию образования Якутской АССР. URL: <https://yakutskcity.ru/project/100-letie-obrazovaniya-yaassr/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁸ Семенова Г. Хангалас улуһун култуурата 90 сылыгар анаммыт дьаһаллар бытылааһар [90 сылыгаров и великанов сияют]. ЯСИА. 28.02.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/ha-alas-uluu-un-kultuurata-90-sylygar-anammyt-da-allar-yytyllallar/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁹ Васильева М. Саха АССР 100 сылыгар сүүс социальнай суолталаах эбийиэк тутуулар [100 работников Саха АССР будут опрошены по социальным вопросам]. ЯСИА. 23.03.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-assr-100-sylygar-s-sotsialnaj-suoltalaah-ebijiek-tutullar/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁰ В Хангаласском улусе Якутии дан старт Году исторической памяти. ЯСИА. 18.02.2022. URL: <https://ysia.ru/v-hangalasskom-uluse-yakutii-dan-start-godu-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения: 20.04.2022).

²¹ Потоцкая Е. Старинные вещи – неразрывная нить предков. Газета «Саха сирэ» подвела итоги конкурса фотографий и видеоматериалов. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://ysia.ru/starinnye-veshhi-nerazryvnaya-nit-predkov/> (дата обращения: 20.04.2022).

политики памяти, которая использует историю, но не самих историков. Президент Американской Исторической Ассоциации Линн Хант еще в 2002 г. констатировала растущие тенденции политизации, которые «угрожают историкам лишением их роли историков» [29], т.к. инициатива формирования памяти окончательно перейдет к элитам. Поэтому значение историков в исторической политике ограничивается символической легитимацией формируемых, как правило, без их непосредственного участия мемориальных культур.

В русле этнизации памяти была выдержана общая направленность выставки «Биир күн, биир сыл, биир үйэ» (Один день, один год, один век), организованной в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского²². В Центре музыки и фольклора народов Саха (Якутия) в марте 2022 г. была организована выставка, посвященная 90-летию со дня рождения О. П. Ивановой-Сидоркевич, внесшей значительный вклад в изучение и сохранение якутской этнической музыкальной культуры²³. Эти мемориальные мероприятия в рамках политики памяти в Республике Саха фактически содействовали тому, что «коллективная память помещалась в пространство смутных воспоминаний, личных свидетельств, устной истории, традиции, мифа, стиля, языка, искусства, народной культуры и выстроенного нами мира» [30, с. 27], т.е. ассимилировалась современными элитами, интегрируясь ими в механизмы как собственной легитимации, так и политической мобилизации традиционно «молчаливого» большинства общества.

Этнизации исторической памяти содействуют и фольклорные мероприятия, т.к. народные традиции воспринимаются как важный компонент «возрождения, популяризации и увековечения памяти»²⁴. Умеренные попытки этнизации политики памяти в рамках столетия Республики предпринимали и якутские СМИ, подчеркивая, что «в этом году исполняется 100 лет со дня, когда наши предшественники установили, что якутский народ должен быть самодостаточным ... помня о значении языка для народа, они оставили в памяти якутский фольклор, чтобы в будущем не потерять родной язык, не ослабить его ... якуты стали народом, сохранившим это важное наследие ... мы не должны его терять»²⁵. В этом контексте заметно

стремление усилить этническую компоненту в коллективной памяти, апеллируя одновременно и к историческому опыту, и к культурному наследию. Подобные тенденции в функционировании современного мемориального канона стали возможны в силу доминирования государственной и социально-экономической методологии в исторической науке в Якутии, что превращает активистов политики памяти в основных агентов этнизации прошлого.

В рамках столетия Республики были актуализированы и травматические моменты коллективной исторической памяти, связанные с принудительными переселениями якутского населения. Например, 18 апреля 2022 г. была открыта памятная стела, посвященная чурапчинскому переселению²⁶. А. М. Хазанов полагает, что «коллективная память никогда не бывает спонтанной. Поэтому важно – каким образом она конструируется. Еще более важно, в какой мере она является самокритичной» [31, с. 30]. В условиях современной России основным конструктором памяти стали политические элиты, что минимизирует уровень самокритики, хотя последняя остается характерной для интеллектуальных сообществ, которые переоценивают травматические моменты истории быстрее, чем элиты. Ошибочность действий властей, связанных с чурапчинским переселением в 1942 г. якутов из колхозов «Куйбышев», «Кыһыл сизмэ» (Красное семя), «Кыһыл үүнүү» (Красный урожай), «Кыым» (Искра), признали только в 1991 г., но на протяжении более чем 30 лет эти травматические моменты коллективной памяти не были монументализированы. По мере смертей участников этого переселения, живых носителей травматической памяти по определению, возникала угроза эрозии этого пласта в национальной идентичности, его социальной и культурной амнезии. Актуализация подобных образов в коллективной памяти универсальна, т.к., по мнению Дж. Гроссмана, «и "история", и "память" более комфортно взаимодействуют с жертвами, чем с преступниками. Легко идентифицировать жертв, сочувствовать и осуждать их виктимизацию» [32], что предпринимается и в современной якутской политике памяти, формирующей мемориальный канон, в одинаковой степени основанный как на глорификации республики в целом, так и на актуализации жертвенности участников истории в частности.

²² Саха АССР 100 сыла: Дьокуускайга Аллараа Халыма историятыгар анаммыт быыстапка саҕаланна [Саха АССР 100 лет: Аллара Халима История Джокуускай сохранена]. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-ssr-100-syla-dokuuskajga-allaraa-halyma-istoriyatygar-anammyt-byystapka-sa-alanna/> (дата обращения: 20.04.2022).

²³ Ольга Сидоркевич «Ырым миэнэ – сырдык ырам» быыстапкаа ыһыраллар [Ольга Сидоркевич участвует в композиции «Моя песня – песня сокровенная»]. ЯСИА. 04.03.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/olga-sidorkevich-yrum-miene-syrdyk-yrum-byystapka-a-y-yrallar/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁴ Мария-Мааа Григорьева «Ийэ кутум – ийэр кутум» бастакы компакт-диискэтин сүрэхтээтэ [Мария-Мааа Григорьева выпускает первый диск «Ие кутум – иеэр кутум»]. ЯСИА. 01.04.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/mariya-maaja-grigoreva-ije-kutum-iej-er-kutum-bastaky-kompakt-diisketin-s-rehteete/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁵ Жирков А. Төрөөбүт тылбытын ыччаппытыгар чөл тириэрдии – билинни дьон соруга [Пустыня пустыни науки – это вопрос знания]. ЯСИА. 14.02.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/aleksandr-zhirkov-t-r-b-t-tylbyty-ychchappytygar-ch-l-tirierdii-bili-i-don-soruga/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁶ В Якутии открыли стелу в память об участниках чурапчинского переселения. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://ysia.ru/v-yakutii-otkryli-stelu-v-pamyat-ob-uchastnikah-churapchinskogo-pereseleniya/> (дата обращения: 20.04.2022).

Основные особенности исторической политики в современной Якутии

Анализируя особенности исторической политики в Якутии, мы можем выделить ее основные характеристики.

Во-первых, важнейшее место в официальной версии мемориального канона, формируемого в результате сознательно проводимой исторической политики, занимает концепт государственности. Актуализация именно государственных нарративов в рамках политики памяти подчеркивает значение современных элит, которые склонны актуализировать преемственность и континуитет со своими историческими предшественниками, что призвано содействовать легитимации современного якутского государственного проекта.

Во-вторых, системной особенностью политики памяти стало превращение государства не только в основного заказчика мемориального канона, но форматора всей исторической политики на региональном уровне в целом. Государство как инициатор создания мемориального канона и культуры памяти определяет границы интерпретаций и ревизии прошлого, ограничивая дискуссии по нежелательным проблемам, которые гипотетически могут привести к противоречиям между республиканским и общероссийским дискурсом исторической памяти.

В-третьих, классической формой мемориальных практик в Республике Саха начала 2020-х гг. стали юбилейные мероприятия, связанные со столетием Республики, которые актуализировали как сервилистские функции исторического воображения, так и склонность элит использовать историю для консолидации и укрепления коллективной памяти, а также для легитимации собственной власти.

В-четвертых, политика памяти в современной Якутии актуализирует гетерогенность мемориальной культуры. Наряду с этническим и национальным, она актуализирует и некоторые элементы предшествующей советской исторической памяти. Поэтому мемориальный канон включает национальное, связанное с развитием якутской государственности как современного проекта; этническое, проявляющееся в использовании традиционной культуры как формы актуализации исторической памяти; советское, что неизбежно, т.к. республика в Якутии, ставшая топомосом национального опыта, возникла в результате национальной политики, проводимой в СССР.

В-пятых, политика памяти актуализирует как общие, так и уникальные особенности в сравнении с историческими политиками в других странах. С одной стороны, государство стало основным форматором и заказчиком мемориального канона, используя финансовые инструменты и ограничение доступа к архивам, что содействует редукции исторической памяти и появлению тем, воспринимаемых в качестве нежелательных, если не для академических исследований, то для их социальной визуализации и обсуждения в обществе. С другой – политика памяти

гетерогенна, что связано с особенностями российского федерализма и наличием национальных республик в составе Федерации. Историческая политика в современной России в значительной степени регионализована, что позволяет не только политическому классу в целом, но и региональным элитам в частности использовать прошлое в качестве политического ресурса.

Заключение

Политика памяти в современной Якутии развивается крайне динамично. В регионе сложились свои политические элиты, заинтересованные в гарантировании собственной легитимности, что предусматривает использование символического ресурса исторической памяти, который обладает в одинаковой степени значительным консолидационным и мобилизационным потенциалом. В 2022 г. власти региона начали масштабную программу мероприятий, связанных со столетием современной якутской государственности. Реализация этой программы приведет не только к укреплению региональных элит, но и будет содействовать усилению этнической идентичности, пространством функционирования которой является мемориальный канон. Столетие Республики Саха (Якутия) в 2022 г., вероятно, будет содействовать укреплению и консолидации этого канона, который актуализирует преимущественно официальные формы и измерения памяти.

Современная политика памяти, проводимая в Республике Саха (Якутия), представляет собой элемент функционирования регионального общества, формируя уникальный мемориальный канон, интегрированный в механизм легитимации политических элит. Динамичное развитие мемориальной культуры в Якутии указывает на необходимость дальнейшего изучения исторической политики в ней, а также на перспективность ее сравнительного анализа в контекстах зарубежного опыта функционирования пространств памяти современных обществ.

Таким образом, историческая политика с современной Республике Саха (Якутия) относится к числу динамично развивающихся проектов. 2022 год озаглавлен серией мероприятий, связанных со столетием Республики. Современные политические элиты и интеллектуалы активно вовлечены в различные практики «проработки прошлого», что оказывает влияние на функционирование коллективной памяти и мемориального канона. Политика памяти в Якутии представляет собой активно реализуемый проект. Основные векторы и траектории проведения мемориальной политики продолжают оставаться неопределенными, что не исключает появления новых форм манипуляций прошлым в политических и идеологических целях. Поэтому историческая политика на региональном уровне нуждается в дальнейшем изучении, основанном на принципах междисциплинарности, что позволит актуализировать достижения как исторической науки, так и смежных дисциплин.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Sodaro A. *Exhibiting atrocity: memorial museums and the politics of past violence*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018, 226.
2. Cohen A. J. *War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020, 271.
3. Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд. *История и современное мировоззрение*. 2019. № 2. С. 90–97. [Kamynin V. D., Lazareva E. V. "Historical politics" in the Urals in the 1930s: modern view. *History and Modern Perspectives*, 2019, (2): 90–97. (In Russ.)] EDN: KZSDQO
4. Фролова И. В., Уразова А. И. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан. *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 4. С. 1019–1031. [Frolova I. V., Urazova A. I. Memory policy and historical science: scientific results of the year dedicated to the centenary of the Republic of Bashkortostan. *Modern History of Russia*, 2020, 10(4): 1019–1031. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>
5. Лескинен М. В. Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе. *Новое прошлое*. 2021. № 2. С. 66–82. [Leskinen M. V. Politics of history and national mythology: "post-truth" and science at the "sovereign service". *The New Past*, 2021, (2): 66–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-66-82>
6. Голотина А. И. Молодежь и историческая политика в Германии (на примере юбилеев Освободительной войны 1813–1815 гг.). *Вопросы всеобщей истории*. 2020. № 23. С. 320–326. [Golotina A. I. Youth and historical politics in Germany (on the example of anniversaries of the War of Liberation 1813–1815). *Voprosy vseobshchei istorii*, 2020, (23): 320–326. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/vvi20-01-27>
7. Воронова О. Е. Историческая политика Российской Федерации. *Вопросы истории*. 2021. № 11-3. С. 282–287. [Voronova O. E. Historical policy of the Russian Federation. *Voprosy Istorii*, 2021, (11-3): 282–287. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi84>
8. Кирчанов М. В. Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как избранные традиции. *Кавказология*. 2020. № 1. С. 219–236. [Kirchanov M. V. Historical politics in the national republics of the Caucasus: commemorative practices as invented traditions. *Caucasology*, 2020, (1): 219–236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-219-236>
9. Barash J. A. *Collective memory and the historical past*. Chicago: University of Chicago Press, 2020, 280.
10. Denton K. A. *The landscape of historical memory: the politics of museums and memorial culture in post-martial law Taiwan*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021, 284.
11. *Nobilities in Europe in the twentieth century: reconversion strategies, memory culture, and elite formation*, eds. Bijleveld N., Dronkers J., Kuiper Y. Leuven: Peeters, 2015, 365.
12. Berg N. *The Holocaust and the West German historians: historical interpretation and autobiographical memory*. Madison: University of Wisconsin Press, 2015, 348.
13. Stackelberg R. *Memory and history: recollections of a historian of Nazism, 1967–1982*. NY: Universe, 2011, 184.
14. Dombay A. H. *The false cause: fraud, fabrication, and white supremacy in Confederate memory*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020, 297.
15. Rieff D. *In praise of forgetting: historical memory and its ironies*. Yale: Yale University Press, 2017, 160.
16. Hyde L. *A primer for forgetting: getting past the past*. L.-NY: Farrar, Straus and Giroux, 2019, 384.
17. Falck S. *Remembering Dixie: the battle to control historical memory in Natchez, Mississippi, 1865–1941*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019, 374.
18. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах. *Историческая экспертиза*. 2018. № 1. С. 41–58. [Rostovtsev E. A., Sosnitsky D. A. Medieval heroes and events of national history in network resources. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, (1): 41–58. (In Russ.)] EDN: YVOGDZ
19. Kopusov N. "The armored train of memory": the politics of history in Post-Soviet Russia. *Perspectives on History*, 1 Jan 2011. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia> (accessed 20 Apr 2022).
20. Meaghan E. *The centennial cure: commemoration, identity, and cultural capital in Nova Scotia during Canada's 1967 centennial celebrations*. Toronto: University of Toronto Press, 2017, 296.
21. Gillis J. R. *Commemorations: the politics of national identity*. Princeton: Princeton University Press, 1996, 304.

22. Spillman L. P. *Nation and commemoration: creating national identities in the United States and Australia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 266.
23. *Cultures of memory in the nineteenth century: consuming commemoration*, eds. Grenier K. H., Mushal A. R. L.-NY: Macmillan, 2020, 407.
24. Эрлих С. Е. Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования. *Историческая экспертиза*. 2017. № 2. С. 9–16. [Ehrlich S. E. Three narratives of the collective memory: fairy tale, heroic myth, self-sacrifice myth. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (2): 9–16. (In Russ.)] EDN: ZBKEEP
25. Ассманн Я. Глобализация, универсализм и эрозия культурной памяти. *Историческая экспертиза*. 2018. № 1. С. 9–27. [Assmann J. Globalization, universalism and the erosion of cultural memory. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, (1): 9–27. (In Russ.)] EDN: VSWFJE
26. Пахалюк К. А. Глобальная культура памяти: истоки и перспективы. *Историческая экспертиза*. 2017. № 2. С. 17–25. [Pakhalyuk K. A. The global culture of memory: the origins and prospects. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (2): 17–25. (In Russ.)] EDN: ZBKEEZ
27. Олейников А. Современная историчность и политика времени. *Либеральная миссия*. 26.04.2021. [Oleynikov A. Modern historicity and the politics of time. *Liberal mission*, 26 Apr 2021. (In Russ.)] URL: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (accessed 20 Apr 2022).
28. Олейников А. Другой презентизм. *Либеральная миссия*. 02.07.2021. [Oleynikov A. A different kind of presentism. *Liberal mission*, 2 Jul 2021. (In Russ.)] URL: <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm> (accessed 20 Apr 2022).
29. Hunt L. Against presentism. *Perspectives on History*, 1 May 2002. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2002/against-presentism> (accessed 20 Apr 2022).
30. Олик Д. К. Коллективная память: две культуры. *Историческая экспертиза*. 2018. № 4. С. 22–49. [Olick J. K. Collective memory: the two cultures. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, (4): 22–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-22-49>
31. Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России. *Историческая экспертиза*. 2017. № 1. С. 30–66. [Khazanov A. M. Whom to mourn and whom to forget? The (re)construction of collective memory in contemporary Russia. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (1): 30–66. (In Russ.)] EDN: VXKLBP
32. Grossman J. Tragedy, memory, history. *Perspectives on History*, 1 Oct 2012. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history> (accessed 20 Apr 2022).